

16 февраля 16:00

Председатель Правительства Российской Федерации В.В.Путин встретился с руководителями экспертных групп по подготовке предложений по актуальным проблемам стратегии социально-экономического развития России на период до 2020 года

Стенограмма начала встречи:

В.В.Путин: Уважаемые коллеги!

В конце декабря прошлого года в Высшей школе экономики состоялась наша встреча с представителями экспертного сообщества – прежде всего, конечно, с Высшей школой экономики. Мы там говорили о наиболее актуальных экономических и социальных проблемах, о приоритетах и ключевых направлениях стратегии развития России в условиях посткризисного мира. Тогда же родилась идея поставить такую экспертную работу на регулярную основу. Я очень рад, что эта инициатива нашла практическое воплощение.

Мы с вами очень хорошо знаем, что в конце этого года состоятся парламентские выборы, выборы в Государственную Думу, в марте следующего года – президентские выборы. Практически год остался. Нормально для любой власти, для любого Правительства – проанализировать, что сделано, как сделано, каких целей удалось добиться, какие ошибки были совершены, что нужно сделать, чтобы избежать ошибок в будущем и эффективно развиваться. Вообще, это обязанность любого правительства - заглянуть в будущее. Я хочу поблагодарить Российскую академию народного хозяйства, Высшую школу экономики за их вклад в подготовку и запуск этого проекта.

Сейчас уже создана 21 рабочая экспертная группа по основным направлениям – от макроэкономики и здравоохранения до снятия административных барьеров и укрепления позиций России на глобальных рынках. Как мы и договаривались, к участию в экспертной работе привлекаются представители и федеральных, и региональных органов власти, научное и бизнес-сообщества, Российская академия наук, университеты, ведущие объединения предпринимателей, авторитетные специалисты, аналитики. Я считаю вполне целесообразным подключить и ваших зарубежных коллег к этой совместной работе.

Отмечу, что сама идея организовать экспертное обсуждение стратегии развития вызвала широкую и заинтересованную реакцию. От научных, образовательных, общественных организаций поступили сотни предложений включить их представителей и специалистов в экспертные группы. Это означает, что начатая работа востребована, а темы, которые выносятся на обсуждение, актуальны и действительно имеют принципиальное значение для России, для наших национальных перспектив.

Ещё раз благодарю всех, кто откликнулся на предложение организовать широкое экспертное обсуждение основных тем социально-экономической повестки. На какой содержательный результат мы рассчитываем по итогам этой экспертной работы? Прежде всего речь идёт о выработке конкретных предложений, направленных на решение ключевых задач по модернизации экономики, повышению эффективности социальной сферы и системы госуправления, о формулировании инициатив, которые можно будет заложить в законопроекты, правительственные акты, государственные программы.

Для нас крайне важно определить правильные приоритеты, эффективно задействовать те факторы, которые обеспечат устойчивый, инновационный рост на долгосрочную перспективу, будут повышать конкурентоспособность России. Хочу также подчеркнуть, что стратегические цели, заявленные нами в Концепции долгосрочного развития до 2020 года, остаются неизменными. Это - повышение качества жизни людей, перевод экономики на инновационные рельсы, формирование эффективных рыночных и государственных институтов. Собственно говоря, почему мы обратили своё внимание на период после 2012 года? Не только в связи с политическим календарем, но и в связи с тем, что в соответствии с программой долгосрочного развития до 2020 года мы исходили из того (и там это прямо прописано), что 2012 год – это новый этап в развитии экономики социальной сферы России. Мы исходили из того, что к этому времени должны быть приняты основные законопроекты, должны быть реализованы в законах, запущены определённые механизмы. И, разумеется, мы не можем делать вид, что ничего за это время не произошло ни в нашей стране, ни в мире. Мы знаем, что мировая экономика столкнулась с системным кризисом, и наша тоже. И на это мы тоже должны отреагировать в наших планах и программах.

Мы отдаём себе отчёт и в том, что механизмы достижения этих целей с учётом посткризисных реалий должны совершенствоваться. Нужно искать более эффективные модели, более гибкие решения, повышать отдачу от бюджетных инвестиций и программ. Ход проводимой экспертной работы мы будем рассматривать ежеквартально на заседаниях Правительства. И первое такое обсуждение намерены провести в конце марта.

В августе 2011 года заслушаем промежуточный, а в декабре 2011-го – итоговый доклад о результатах экспертных проработок.

И сегодня я попрошу Ярослава Ивановича Кузьмина (*ректор Высшей школы экономики*) и Владимира Александровича Мау (*ректор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации*) доложить, как прошли первые обсуждения, как идёт становление экспертных групп, есть ли проблемы в организации взаимодействия с органами власти, как налажен контакт с регионами и федеральными структурами.

Попросил бы также поделиться своими планами и оценками руководителей ряда рабочих групп: какие первоочередные вопросы вы намерены вынести на слушания, какие проблемы считаете наиболее актуальными. Кроме того, думаю, что уже в ходе сегодняшней встречи мы могли бы обменяться мнениями по наиболее значимым, дискуссионным темам социальной, бюджетной, макроэкономической политики.

И в заключение хотел бы вновь остановиться на принципиальных подходах к организации нашей совместной работы. Первое. Деятельность экспертных групп должна быть максимально открытой и демократичной. Следует учитывать все разумные альтернативные точки зрения и предложения. Ничего не нужно и нельзя отметать с порога, без конструктивного и профессионального обсуждения. В деятельности рабочих групп не может быть места ангажированности. И всё это не должно вылиться в какой-то междусобойчик. Если будет реальная дискуссия, если итоговые предложения пройдут жёсткую обкатку в спорах, то и доверия к качеству результатов работы экспертной группы будет, конечно, больше.

Второе. Сама экспертная деятельность должна носить максимально публичный характер. У рабочих групп должны появиться свои интерактивные сайты в сети Интернет. Также нужно обеспечить участие средств массовой информации в экспертных семинарах.

И, наконец, третье пожелание. Нужно самым активным образом использовать региональные площадки, проводить выездные мероприятия, круглые столы. Во многих российских регионах накоплен очень интересный, содержательный опыт работы по решению социальных проблем, привлечению инвестиций, поддержке инновационной инфраструктуры и так далее. Этот опыт, конечно, должен быть востребован.

Вы знаете пример, допустим, Калуги. Небольшой регион без всяких минеральных ресурсов, а по объёму привлечённых инвестиций занимает одно из первых, если не первое, место у нас в России. Вот пример, который можно исследовать, посмотреть и тиражировать.

Да и прямое общение с людьми, с представителями различных социальных групп, с лидерами общественного мнения в регионах – это, безусловно, полезная работа, полезные контакты.

Спасибо больше за внимание. Хочу предоставить слово Кузьминову Ярославу Ивановичу. Пожалуйста.

Я.И.Кузьминов: Спасибо, Владимир Владимирович. Я позволю себе коротко доложить о нашей организационной работе. В настоящее время сформированы и Вами утверждены составы экспертных групп. Это не значит, что список закрыт, что они не будут обновляться, и за немногим исключением они уже все начали работу. В работе принимают активное участие заинтересованные федеральные органы исполнительной власти. Со следующей недели заработает публичный ресурс в интернете на базе РИА «Новости». Мы вчера договорились, что на этом, наверное, наиболее представительном интернет-ресурсе мы сможем в наибольшей степени расширить круг обсуждения, набор рассматриваемых вариантов за счёт обнародования наших материалов и через интернет-сайты мы будем собирать предложения, отклики, материалы экспертов с мест.

Как нам кажется, эта работа будет успешной в той степени, в какой мы сможем выйти за рамки сложившегося круга экспертов, уже взаимодействующих с органами исполнительной власти и между собой. Ключевым здесь является привлечение молодых людей, молодых сил и экспертов из регионов. Как мне кажется, такого рода интернет-площадка позволит достаточно быстро вовлечь их в нашу работу. Мы ведём переговоры с международными экспертами. Понятно, что они не работают так быстро, как хотели бы работать мы.

Предполагаю привлечение двух видов: во-первых, использование успешного опыта развития экономики, решения задач социального развития в странах, которые в том или ином виде сопоставимы с Россией. Такая работа уже начата с экспертами Организации экономического сотрудничества и развития, ведущих стран Евросоюза, Мирового банка

Во-вторых, мы предполагаем привлечь крупнейших экспертов и учёных к оценке результатов, которые мы наработаем позднее – к весне, лету.

Сейчас мы уже имеем предварительные договорённости с лордом Майклом Барбером (это крупнейший реформатор в Великобритании); с лауреатом Нобелевской премии Эриком Маскином, с Мануэлем Кастельсом (создатель теории информационного общества) и рядом других выдающихся экономистов и организаторов экономической политики. У нас проходят встречи экспертных групп с членами Правительства. На следующей неделе мы планируем провести совещание у заместителей Председателя Правительства и рассмотреть вопросы организационной и информационной поддержки экспертных групп.

В дальнейшем мы предлагаем сделать такие совещания регулярными. Может быть, один раз в две недели.

Для работы многих экспертных групп критически важным является получение отраслевой статистики организаций социологических исследований. Полагаем необходимым дать соответствующее поручение Росстату.

Мы не должны недооценивать масштабы нашего плохого знания. Например, такие вещи, как расходы пенсионеров и их сберегательное поведение, как ситуация с банками, с ретейлом в регионах... У нас слабое представление о степени монополизации этих услуг в тех или иных регионах. То есть в целом на уровне нескольких крупных регионов мы имеем представление, из него традиционно и исходим, но отраслевой региональной статистики у нас сегодня явно недостаточно. И необходимо, как мне кажется, получить не только рассуждения, а рассуждения, подкреплённые соответствующими расчётами. Необходимо сделать такого рода работу приоритетной для Росстата.

Уважаемый Владимир Владимирович! Коллеги! Я позволю себе несколько слов сказать о содержательных проблемах, с которыми мы начали работать. Ситуация, возникшая в российской экономике после выхода из экономического кризиса – это как экономическая задача выбора с ограниченными ресурсами. Сейчас мы решаем более классическую, более традиционную экономическую задачу, чем мы решали раньше – в период бюджетного профицита и высоких темпов экономического роста. Необходимо решать накопившиеся проблемы диспропорций в новой ситуации с доходами-расходами бюджета.

Это подталкивает государство или начинать жить в долг (я не осудительно это говорю, мы можем рассматривать эту возможность), или научиться жить по средствам, то есть в рамках достижения бездефицитного баланса, бюджета. Причём в варианте "жизни по средствам" тоже есть варианты: сократить инвестиции в развитие, максимально сохраняя текущие платежи, социальные обязательства, и реформировать последнее.

Мы должны заново оценить наши социальные обязательства и задачи развития в этой новой ресурсной ситуации. В ряде случаев это должно привести к необходимости рассмотрения совершенно других институциональных сценариев, совершенно других сценариев развития тех или иных отраслей, потому что, как нам кажется, нет ничего хуже, чем тратить деньги и тратить большие деньги, не имея уверенности в том, что этих денег будет достаточно для достижения цели, которую мы себе поставили.

Основная часть бюджета России – это текущие социальные обязательства. Это отличает нас от других стран БРИК, с которыми мы себя часто сравниваем. Китай, Индия, Бразилия и многие страны поменьше обеспечивают мобилизацию средств на интеллектуальную, технологическую модернизацию, оттягивая, насколько возможно, момент формирования социального государства, оставляя стариков на попечение их детей.

Но в России социальное государство уже сформировано. Мы не можем здесь с ними равняться и не будем этого делать при любом политическом режиме и при любом правительстве. Но это не значит, что наше социальное государство должно быть советским, должно быть таким же архаичным, как раньше. Модернизация социального государства в России, как нам кажется, – это первая по актуальности задача. Все остальные модернизации прямо зависят от её успеха или неуспеха. И определение альтернатив развития – это в первую очередь не технологическая, а социальная проблема.

Политика в социальной сфере должна рассматриваться с точки зрения не только первичных, но и вторичных экономических эффектов, и не только с точки зрения занятости, которую создают или поддерживают те или иные наши инвестиции и текущие социальные платежи. Это касается и образования, и здравоохранения, и пенсий. Нам нужно научиться определять и сопоставлять вторичные экономические эффекты – например, от бюджетных затрат на социальные сферы (от повышения пенсии – как будут тратить эти деньги пенсионеры); от системы здравоохранения (как скажется на технологических цепочках – на цепочках, складывающихся на рынке труда, – приобретение высокотехнологичных комплексов); от повышения зарплаты учителям. Это рост определённых секторов платёжеспособного спроса, и, как нам кажется, это должно быть обязательным условием социальных расходов, планирования социальных расходов.

Второе. Необходимо гораздо более жёстко подходить к эффективности бюджетных затрат. По текущему финансированию социальных обязательств мы часто повторяем и привыкли повторять: поддержка граждан, а не учреждений; финансирование социальных услуг, а не существование тех или иных поликлиник или вузов. Учреждение – только средство, а не цель соцполитики. Её коллектив – это в первую очередь агенты государства по оказанию социальных услуг основной массе граждан. Их нельзя рассматривать как объекты социальной поддержки наряду с безработными и пенсионерами. Слава Богу, мы вышли из ситуации 1990-х годов, когда зарплаты в социальной сфере выполняли именно такую функцию. Давно принято решение о переходе на нормативное финансирование, но реализация их ведомствами, ответственными за развитие отраслей, происходит медленно и с постоянной оглядкой на социальные последствия. Оглядываться на социальные последствия надо, но не надо забывать о макросоциальном эффекте, о качестве социальных услуг, которые мы сейчас обеспечиваем во всех бюджетных сферах.

Следующее – это эффективный контракт с работниками бюджетной сферы. Вознаграждение должно обеспечивать возможность прожить без поиска дополнительных заработков. Такой поиск может происходить только за счёт основных обязанностей. Чудес не бывает. Нам необходимо восстановление профессиональной морали, когда качество работы и добросовестное исполнение обязанностей поддерживаются не только внешним контролем со стороны начальства или потребителя, но и внутренним – со стороны коллег. Эффективный контракт – это не только обязательства государства, это ещё и обязательства восстановления профессионального сообщества.

Ещё одна проблема – это инвестиционный проект. Необходимо исключить случай, когда реализуются проекты с технологиями, отставшими от современного уровня на поколение. Недавно на высшем государственном уровне была принята программа обеспечения энергоэффективности. Но аналогичные потери происходят практически в каждом из технологических секторов. Можно было бы создать систему технологического аудита инвестиционных проектов, по крайней мере, тех, которые господдержкой пользуются, – в виде фонда с привлечением международных экспертов. Публичный характер экспертиз фонда помешает деятельности по проталкиванию своих технологий со стороны ведущих международных компаний, а задачу поддержки собственных производителей можно при этом решать на основе закупочных квот или ценовых преференций.

Третье, и последнее, о чём я хотел сказать, – это модернизация системы государственных закупок. Существующая система в основном заточена на конкуренцию исключительно по цене, на работу с простыми товарами, качество которых можно проинспектировать при покупке. Некритическое применение к сложным товарам и услугам ведёт к неэффективности, большим затратам, потерям бюджета, которых мы первоначально хотели избежать.

Мы можем перечислить ещё целый ряд проблем, который мы можем прорабатывать, споря друг с другом, и предлагать те или иные решения. Как нам представляется, нужно в каждой группе рассматривать в первую очередь варианты экономической и социальной политики, лежащие в русле ресурсных ограничений. И эти несколько вариантов экономической и социальной политики в каждой из наших экспертных групп (их публичное обсуждение, обсуждение их социальных и экономических последствий и результатов), мне кажется, могут привести к серьёзной консолидации нашего общества, к переводу дискуссии по поводу того, что может сделать Правительство, к дискуссии о том, на что готово, на что хотело бы пойти общество. Спасибо.

В.В.Путин: Спасибо большое, Ярослав Иванович. Я некоторые вещи пометил – мы обязательно в узком кругу с коллегами в Правительстве пообсуждаем. Я хочу заверить: так же как и другие идеи, которые сегодня прозвучат, мы их обобщим, посмотрим и потом примем соответствующие решения и, разумеется, будем помогать вам выстраивать работу таким образом, чтобы не было никаких административных сложностей. Это касается статистики, поручений Росстату – получения необходимой информации из регионов. Но, конечно, важнее всего – содержательная часть: это касается и системы технического аудита, и модернизации системы госзакупок, жёсткого подхода к финансированию социальных затрат. Мы и сами это довольно энергично и не без эмоций обсуждаем.

Это, знаете, всегда на уровне искусства – эффективность этих социальных затрат. Вот вы сейчас вспомнили про страны БРИК. Они не спешат создавать социальные государства, вы сказали. У нас абсолютно разные точки отсчёта: у нас – в условиях плановой экономики, в условиях государственного патернализма, когда государство отвечало за всё и было обязано всё сделать, граждане ожидали каких-то действий со стороны государства, а во многих других странах БРИК ничего подобного не было. Это развивающиеся страны, я не хочу публично ничего комментировать, но вы всё понимаете: у них никогда не было таких обязательств перед населением, перед своими людьми – никогда. И поэтому они могут себе позволить за счёт граждан решать какие-то вопросы и проблемы.

Я помню очень хорошо дискуссию, когда мы формировали так называемый пакет решений по поддержке демографических процессов и рождаемости. Очень многие эксперты и коллеги мне тогда говорили: не надо этого делать. Я говорю: «Почему?» – «Расходы большие, они будут длительными, многолетними, они будут нарастать, а эффекта не будет». На вопрос: «Почему не будет эффекта?» – ответ был простой: «А посмотрите, что происходит в Европе. Там по некоторым сегментам демографической политики поддержка ещё больше, а эффекта нет – ноль». Мы не страны БРИК, не все. Мы хоть формально туда входим, но мы не Бразилия, не Китай: у нас другие стартовые позиции, как я уже говорил. Но мы и не европейская экономика, и социалка у нас не европейская, и образ мыслей пока у очень многих граждан другой. Я настоял тогда на том, чтобы мы приняли решения по материнскому капиталу. Посмотрите, как он эффективно работает сегодня. И другие меры поддержки демографии – реальная отдача пошла. Так же как мы недавно дискутировали, и я сказал: «Нет, мы на будущих мамах экономить не будем». Приняли решение, изменили закон, касающийся выплат социальных пособий по беременности и родам.

Это вроде тоже всё социальные расходы, но это – ключевая задача: сохранение народа (я уже вспоминал Солженицына, он говорил об этом). Вот это ключевая задача демографии, и здесь, конечно, нельзя жадничать. Но я, безусловно, с вами согласен в том, что социальные расходы должны быть эффективными и разбрасываться деньгами, конечно, недопустимо. Но мы для этого с вами собрались и сейчас, и будем ещё несколько раз собираться, чтобы определить эти самые параметры и критерии эффективности.

Пожалуйста, Владимир Александрович Мау.

В.А.Мау: Уважаемый Владимир Владимирович, коллеги! Я здесь в двух качествах – как ректор, ответственный за организацию работы экспертных площадок, и всё-таки как один из экспертов. Поэтому я позволю себе сказать несколько слов про организационные процессы и где мы находимся и поговорить, обратить внимание на несколько неназванных проблем нашего социально-экономического развития.

Прежде всего я хочу поблагодарить вас, Владимир Владимирович, и других коллег в Правительстве за приглашение организовать эту работу. Это, конечно, огромный вызов для экспертов. А здесь, на мой взгляд, собрались люди уникальной квалификации: это исследователи, которые занимаются прикладными вещами, которые занимаются одновременно и исследованиями, и прикладным консультированием или просто прикладной деятельностью. Это, мне кажется, уникальная квалификация.

Ход работы: группы сформированы, у нас есть четыре типа экспертов. Это ядро, которое начало обсуждение и будет готовить исходную дискуссионную площадку. Это широкий круг экспертов. Мы благодарны всем тем, кто нам прислал огромные списки из желающих участвовать в обсуждении – это региональные эксперты. У нас много предложений от региональных экспертов. Я хочу сказать, что Российская академия хозяйства и государственной службы сейчас обладает огромной филиальной сетью: у нас 65 филиалов в большей части субъектов Российской Федерации. Мы как раз говорили с коллегами, что не только по интернету, но и непосредственно в опорных точках ведём дискуссии и создаём экспертные площадки, чтобы и московские экономисты, и региональные могли не только по интернету, но и физически собираться, обсуждать вопросы той программы, о которой мы говорим.

У нас даже в этой аудитории – не только представители двух вузов, которые вы, Владимир Владимирович, назвали. Но я насчитал, что здесь присутствуют пять ректоров ведущих учебных заведений, причём как государственных, так и негосударственных. Здесь и независимые эксперты, и представители Академии наук, и общественных организаций.

В настоящее время у нас идёт выработка исходных материалов, которые будут выложены в интернет и более широко опубликованы, вокруг которых начнётся работа. Это затравочные материалы, которые ничего не будут навязывать, но которые станут организационной, если хотите, интеллектуальной основой для дискуссии.

Я хочу поблагодарить коллег из Правительства: мы очень много и активно уже взаимодействовали с министрами, с руководителями департаментов, с вице-преьерами. Это важно, что в Правительстве много тех, кто был экспертом. В этом смысле у нас есть общий язык и взаимное понимание стоящих перед нами задач.

Если можно, теперь я поговорю о некоторых содержательных вопросах нашей работы. Я хочу подчеркнуть, что работа в самом начале, и всё, что я буду говорить, это моё представление об этих проблемах. Это может стать полем для дискуссии, но в данном случае я говорю от себя и только сам несу ответственность за то, что я скажу.

Я хотел бы коснуться двух вопросов: проблемы модели стимулирования экономического роста и проблемы социального государства, не повторяя то, о чём говорил Ярослав Иванович. Одной из наших задач, я бы сказал – ключевой, является обсуждение новой модели роста. Это задача амбициозная, но не уникальная.

Известно, что перед этим кризисом было два великих кризиса последних ста лет – 1930-х годов и 1970-х. Из каждого мир выходил с новым пониманием о модели роста: с кейнсианским после 1930-х годов и с либеральным после 1970-х. Нам предстоит найти новую модель, и она не сводится к выбору между либерализмом и кейнсианством. Новый глобальный кризис требует новых решений, и нам предстоит их искать. Это огромный интеллектуальный вызов. Это не выбор из того, что мы уже знаем и тасование той колоды, которая уже есть.

Сейчас во всех развитых странах (подчёркиваю, что именно в развитых, а не в развивающихся), не в странах БРИК, за исключением России, то есть во всех развитых странах и России, идёт дискуссия о поиске той новой модели роста (в США даже термин появился: *new normal*), которая бы запустила механизм роста с учётом ошибок бурного, но сложного предкризисного развития, с учётом тех уроков, которые дал кризис.

Новая модель предполагает поиск решений в экономической и социальной политике, обеспечивающих конкурентоспособность страны, и экономический рост темпов для нас, которые обеспечили бы сокращение разрыва с наиболее экономически развитыми странами. То есть вот собственно критерий: критерий – не цифра, а рост, превышающий рост среднемировой и развитых стран.

Последние 10 лет мы эту задачу решали (на мой взгляд, под мощным интеллектуальным воздействием кризиса 1998 года) в основном двумя способами. И примерно 10 лет это работало. Это политика низкого курса рубля (сдерживание укрепления курса рубля как стимул для отечественных товаропроизводителей) и рост бюджетных доходов, то есть рост прежде всего государственного спроса в экономике, что позволяли устойчиво растущие цены на нефть.

Сейчас, на мой взгляд, ситуация изменилась. И, мне кажется, очень важным, чтобы я сейчас, коллеги, вам это сказал. Мы это обсуждаем, мы об этом пишем. Сейчас в отличие от ситуации 5–10-летней давности рост бюджетного спроса ведёт (без обвальная девальвации, которой мы все не хотим) к росту импорта гораздо больше, чем к отечественному производству. Дело в том, что практика последних лет показала, что товары для бедных производят бедные страны. В этом смысле товары, способные удовлетворить социальный спрос, производятся в Китае и Индии, может быть, в Узбекистане и в меньшей мере в России. Это спорно, но, на мой взгляд, эта ситуация показала в значительной мере верность, которую демонстрирует развитие ситуации в последние годы. Именно поэтому это подводит к необходимости, с одной стороны, понять место России в глобальной конкуренции. А конкуренция внутренняя – это уже и конкуренция глобальная. Мы – непротекционистская страна и этим, кстати, тоже отличаемся от остальных стран БРИК. Но это и вопрос переориентации бюджетной политики. Это вопрос перехода, я бы сказал, от политики стимулирования спроса к политике стимулирования предложения. Это другая экономическая модель: это модель, которая позволяет валютному курсу быть плавающим, тем самым способствовать решительному снижению инфляции, тем самым снижению процентных ставок, удешевлению кредита, тому, что внутренний кредит начнёт играть большую роль, чем внешний.

У нас, как известно, важнейшим источником кредитования экономики до сих пор является внешний кредит. Он опять начал расти, и это повлечёт за собой развитие финансового рынка. Мне кажется, сейчас пришла пора обсудить вот этот важный поворот. Кризис, итоги кризиса подталкивают к тому, что экономике предложения надо уделять гораздо больше внимание, чем экономике спроса. Понятно, что политика экономики предложения

требует сбалансированного бюджета как основы долгосрочной макроэкономической стабильности. Это предполагает увеличение роли конъюнктурных доходов в формировании бюджета.

Ещё одна проблема новой модели – это второй блок вопросов, о которых я хотел упомянуть (про это, конечно, и Ярослав Иванович сказал): проблема социального государства и нового прочтения социального государства. Я согласен со всем, что было сказано, но я хотел бы подчеркнуть, что главное в понимании проблем социальных секторов, социального государства... Владимир Владимирович, Вы совершенно справедливо сказали, что мы по уровню среднедушевого ВВП, по структуре экономики мы не Китай. В этом смысле рецепты ускорить рост путём снижения бюджетной нагрузки у нас не работают, потому что у нас на бюджетной нагрузке сидит очень много социалки, слишком много ответственности перед гражданами, которые без этого не выживут. Это не страна, где две трети населения живут в деревне и не пользуются ни социальными, ни пенсионными, никакими расходами. Но здесь очень важно понимать, что речь не может идти только о повышении эффективности расходов на социальную сферу. Проблемы здравоохранения, пенсионного обеспечения, отчасти образования являются не столько фискальными, сколько структурными. То есть нужны серьёзные реформы этих секторов, чтобы деньги заработали.

Проблема не столько в том, где взять деньги, чтобы обеспечить достойное обеспечение пенсионеров и здравоохранение (я берусь утверждать, что при действующей модели денег всё равно не будет хватать и всё равно все будут недовольны) – нужна существенно новая модель, а это исключительно сложная задача. Больше того, требуется гораздо более глубокий пересмотр этой модели, чем просто дискуссия о пенсионном возрасте, если мы говорим о пенсионном обеспечении. Потому что действующая модель перераспределения бюджетных средств от работающих к неработающим была придумана в конце XIX века, когда... Владимир Владимирович, приведу пример. Пенсионный возраст, когда в Германии, Великобритании вводили, был 70 лет, а продолжительность жизни – 45–50 лет. Эта бюджетная модель работает для ситуации, когда продолжительность жизни сильно ниже пенсионного возраста и касается меньшинства городских рабочих. Это значит, мы действительно должны пересмотреть фундаментальные основы этой системы, не сводя дискуссию к тому, сколько пенсионный возраст – 60, 62, 57 лет...

В.В.Путин: Во Франции они сейчас сколько установили? 67 лет, да?

В.А.Мау: По-моему, 64...

В.В.Путин: Нет, с ростом до 67 лет.

В.А.Мау: Ну да, но это не решает устойчиво проблемы страны, где пенсионерами являются все, а не только 15% городских жителей, где продолжительность жизни сильно больше (а у нас она всё-таки больше, чем пенсионный возраст). Аналогично в здравоохранении: мы живём в обществе, где лечатся все. 50 лет назад лечились больные. Сейчас лечатся все.

В.В.Путин: Просто они не знали, что они больные...

В.А.Мау: Ну не выявленные были, да...

В.В.Путин: Это вопрос предварительного обследования, диспансеризации.

В.А.Мау: Завершая, я хочу сказать, что трудность в решении этих проблем состоит в том, что удовлетворительной модели нет ни у какой развитой страны. Вот макроэкономическая стабилизация 1990-х годов, которая была ужасно тяжёлой, болезненной, но она была понятной. Все страны решали её одинаково: кто-то мог, кто-то не мог.

Сейчас нет эффективных систем функционирования здравоохранения для развитой страны. Для африканской – есть, очень просто. Для Китая – есть. Для развитой страны – нет. Это огромный интеллектуальный вызов, и та страна, которая одной из первых найдёт здесь решение, получит огромную фору. Мы постараемся это сделать. Спасибо!

В.В.Путин: Спасибо.

<http://premier.gov.ru/events/news/14155/>